



УДК 343.37 + 343.7
ББК Х408.12 + Х518.1

И. А. Брагин

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ДЕТЕРМИНАЦИИ РЕЙДЕРСТВА КАК СОСТАВНОЙ ЧАСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

I. A. Bragin

MODERN TRENDS OF DETERMINATION OF RAIDING AS AN INTEGRAL PART OF ECONOMIC CRIMINALITY

В статье рассматриваются детерминанты современной экономической преступности и ее взаимосвязь с рейдерством. Исследуется криминологическая мотивация отклоняющегося экономического поведения в переходный период. Анализируются также причины формирования селективной совокупности новых экономических преступлений и их влияние на криминализацию хозяйственной системы. Выделяются механизмы взаимодействия и взаимообусловленности теневой экономики и рейдерства. Раскрываются проблемы правового регулирования и их влияние на детерминанты экономической преступности. Состояние экономической преступности рассматривается как отражение экономических, политических и социальных процессов, происходящих в обществе.

Ключевые слова: экономическая преступность, рейдерство, детерминанты криминогенности хозяйственной среды.

The article deals with determinants of modern economic crime and its relationship to the raiding. Examines criminological motivation of deviant economical behavior in the transition period. Analyzed the reasons for forming a selective set of new economic crimes and their impact on the criminalization of the economic system. Stand out the mechanisms of interaction and interdependence of the shadow economy and raiding. Revealed the problems of legal regulation and its impact on the determinants of economic crime. Status of economic crime is considered as a reflection of the economic, political and social processes taking place in society.

Keywords: economic crime, raiding, the determinants of crime economic environment.

Трансформация основ экономического строя в России способствовала кардинальному изменению сущности и структуры экономической преступности, генерирующей высокий уровень криминогенности экономических отношений. К числу таких новых видов экономических преступлений, представляющих повышенную общественную опасность, безусловно относится рейдерство.

Поиск эффективных мер контроля над этим видом современной экономической преступности приводит к необходимости

исследования причинного комплекса криминализации хозяйственной системы.

Состояние экономической преступности отражает влияние экономических, политических и социальных процессов, происходящих в обществе. Особую актуальность эта взаимосвязь приобретает в обществах с переходным политико-экономическим устройством. Рассматривая экономическую преступность в качестве социального явления, важно уяснить криминологическую мотивацию отклоняющегося экономического пове-



дения. В условиях рыночной экономики субъектам экономической деятельности свойственна естественная рациональность в виде получения максимального результата за счет минимизации затрат. Однако, достижение такого результата возможно как в рамках правового поля, так и посредством противоправного поведения. Первая модель поведения предполагает экономическую деятельность в условиях рыночной конкуренции с соблюдением правовых норм, регулирующих экономические отношения. Вторая модель поведения предполагает короткий путь незаконного обогащения. Здесь основой криминального экономического поведения является нарушение фундаментального принципа рыночной экономики — эквивалентности обмена в сфере производства благ, приобретения права собственности, а также взаимоотношений труда и капитала. Убедительным примером неэквивалентности обменных отношений является рейдерство. Именно неэквивалентность составляет сущностное содержание одной из разновидностей экономической преступности — рейдерских захватов чужой собственности.

В результате крайне противоречивых рыночных преобразований и социально-политического реформирования в российском обществе появилась селективная совокупность новых экономических преступлений. По сути дела, произошло кардинальное изменение природы экономической преступности.

Ученые, исследующие феномен современной экономической преступности, обоснованно отмечают, что ее детерминанты определяются совокупностью различных факторов. Так, В. Н. Кудрявцев выделяет такие причины экономической преступности, как неразвитая деформированная рыночная экономика, в которой частный предприниматель не в состоянии конкурировать с преступным бизнесом, слабость государства, выпустившего из-под своего контроля финансовые, торговые и некоторые другие экономические процессы, бессилие правоохранительных органов, не ставших мощной и достаточно самостоятельной ветвью власти, и наконец, упадок общественной морали, снижение уровня нравственного и правового сознания¹. Другие ученые не без оснований полагают, что именно государство запустило процесс распространения экономической преступности, поскольку, с одной стороны, принимались законы, вызывающие противоправное поведение (например, о налогообложении, породившие массовые уклонения от

уплаты налогов граждан и юридических лиц и способствующие дальнейшему развитию теневого сектора экономики). С другой стороны, государство в начале экономических реформ само выступало как злостный правонарушитель (неисполнение обязательств Сберегательного банка России по вкладам населения, государственных органов по оплате государственных заказов юридическим лицам), тем самым стимулируя граждан следовать его примеру. Именно так был запущен механизм неплатежей, который, в свою очередь, создал почву для распространения воровства. Наконец, криминологическая роль государства заключается в преступной деятельности самих работников государственных органов и их сращивании с преступным миром². Исходя из этого, автор приходит к выводу, что специфика детерминации экономической преступности в период реформ в России отражает характер и содержание этих реформ, сущностные противоречия общественного развития.

Отдельные ученые в совокупности детерминант, порождающих преступность либо способствующих ее сохранению и росту, выделяют целые факторные комплексы, такие как экономический, политический, правовой, организационный, психологический, медицинский, технический. В свою очередь эти факторы подразделяют на два вида, влияющих на природу преступности как социально-правовое явление:

— правовой (факторы, связанные с изменением уголовно-правового законодательства, своевременно криминализованных видов преступлений, их раскрываемостью и т. д.);

— социальный (факторы, которые влияют на социальную сущность преступности и ее общественную опасность)³.

Выявление всего комплекса детерминант экономической преступности позволит также установить взаимосвязь основных направлений экономического развития и генезиса преступности в хозяйственной системе страны. При этом следует иметь в виду, что экономическая преступность обладает способностью приспосабливаться к реальной действительности и видоизменяться: одни виды ее ослабевают, другие вновь возникают, а третьи принимают новые формы. Это в свою очередь свидетельствует о том, что детерминанты этой преступности носят многовекторный и системный характер. В юридической литературе справедливо отмечается, что даже такой фундаментальный социально-экономический





фактор, как уровень развития производительных сил, не может быть единственным, конечным фактором, определяющим причины преступности, поскольку сам определяется, связан, взаимодействует со многими явлениями — производственными отношениями, образом жизни, особенностями внешней и внутренней политики и т. д.⁴

Установление детерминант экономической преступности следует также рассматривать с точки зрения общих принципов философии права. Гегель рассматривал поиски первопричины как конечного фактора глубоко ошибочными. Он предложил диалектическое решение причинно-следственной связи. По его утверждению, причина и следствие находятся в диалектическом взаимодействии, познав которое, мы с неизбежностью познаем причину и природу обоих явлений⁵. Поэтому важным представляется познание взаимодействия и взаимообусловленности экономических отношений и права. Исходя из материалистического подхода «базис — надстройка», экономические отношения считаются первичными по отношению к правовым. Однако, исходя из диалектики взаимообусловленности, право может оказывать активное влияние на экономические отношения. Следовательно, состояние правовой системы общества может играть серьезную роль в детерминации экономической преступности.

В результате рыночных преобразований в российской экономике сформировалась деструктивная подсистема в виде экономической преступности, или как ее часто именуют — криминальная экономика. Существенную роль в этом сыграли изъяны правовой системы, игнорировавшей во многом криминогенность экономических преобразований. Слепое копирование таких либеральных ценностей, как полная свобода субъектов экономической деятельности, индивидуализм и личный успех, отвели на второй план правовое регулирование легитимности экономического поведения. В результате серьезным детерминирующим фактором, воспроизводящим экономическую преступность, становятся противоречия между частными интересами бизнеса и публичными экономическими интересами всего общества.

Поэтому не случайно в современной юридической литературе отдельные авторы обращаются к проблеме философского понимания и содержания права. Научная мысль на протяжении многовекового развития вела поиск того общего

императива, который составлял бы сердцевину любой правовой системы. Обсуждая проблемы правового понимания свободы, справедливости и равенства, Кант и Гегель полагали, что таким общим законом является нравственное содержание права. Им вторит также русский философ В. С. Соловьев: «Сущность права состоит в равновесии двух нравственных интересов: личной свободы и общего блага»⁶.

Безусловный интерес в этом плане представляет каноническая трактовка права и правопорядка, изложенная в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», принятая в августе 2000 года на юбилейном архиерейском соборе РПЦ. В разделе «Христианская этика и светское право» говорится: «Основопологающий принцип права — не делать другому того, что не желаешь себе... право вырастает из самой жизни, основываясь на совести (“категорическом нравственном императиве”). Правопорядок отдельной страны есть частный вариант общего мироустроющего закона, присущий определенному народу. Основопологающие принципы отношений человека с человеком, власти с обществом, учреждений друг с другом национальный закон проявляет соответственно конкретной нации, движущейся в истории»⁷. В связи с этим заслуживают внимания идеи «о диверсификации моральных начал в правовую материю»⁸.

Рассматривая современные проблемы философского понимания права, отдельные ученые выдвигают на первый план нравственные принципы. «Границы свободы, — пишет О. В. Мартышин, — в повседневной жизни определяются позитивным правом. Но оно должно руководствоваться каким-то принципом. Вот этот-то принцип и составляет существо философского понимания права — не противоречить свободе других лиц. Это и есть “некоторый общий закон”, позволяющий согласовывать, сочетать свободу разных лиц. Кант называл его также “всеобщим критерием права”. В основе этого общего закона лежит категорический императив, великий нравственный принцип, признанный всеми цивилизациями: “поступай по отношению к другим так, как тебе бы хотелось, чтобы поступали по отношению к тебе”»⁹.

Игнорирование нравственной природы права в современном российском обществе, где власть все больше сосредотачивается в руках богатых, детерминирует экономическую преступность, воспроизводящую жесткие социальные антагонизмы, приводящие к неизбежно-

сти глубокого социального и экономического реформирования.

За период действия Уголовного кодекса РФ с 1997 по 2011 г. в России зарегистрировано 5 424 073 экономических преступлений¹⁰. Однако приведенные статистические данные ни в коей мере не отражают истинных масштабов этого вида преступности. Преступления в сфере экономики в современных условиях характеризуются исключительно высоким уровнем латентности. Так, по мнению известного российского криминолога В. В. Лунеева, экономические преступления регистрируются и расследуются в количестве не более 1—5% от реально совершаемых¹¹. Аналогичные выводы содержатся в исследованиях криминологов индустриально развитых стран. В частности, оценивая ее криминологическую масштабность, они приходят к выводу, что ущерб от экономической преступности многократно превышает материальные потери от корыстных преступлений общеуголовного характера (кражи, грабежи, разбойные нападения и т. д.). Так, по данным известного криминолога Б. Свенссона, суммы доходов, укрываемых от налоговых служб, в 10 раз превышают размеры ущерба от преступности, связанной с воровством, а число лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за налоговые преступления, примерно в 30 раз меньше, чем за кражи¹². По заключению экономической комиссии Конгресса США, потери, наносимые экономическими преступлениями национальной экономике, составляют 44 млрд долларов в год, в то время как ущерб от имущественных преступлений составляет лишь 4 млрд долларов¹³. Определяющим фактором эскалации экономической преступности в современной России является также теневой оборот капиталов. Теневая экономика переходного периода отражает, прежде всего, специфику первоначального накопления капитала, теневого перераспределения доходов, а также своеобразного делового капитала, основанного на деструктивности экономического поведения.

Отдельные исследователи включают в содержание понятия теневой экономики следующие структурные компоненты: криминальная экономика, фиктивная экономика, латентная экономика, неофициальная экономика¹⁴. Выделяются также характерные черты теневой экономической деятельности:

— неконтролируемость производственной, торговой, финансовой деятельности государственными органами, в том числе и налоговыми службами;

— незаконный характер деятельности, которую можно ранжировать от проступков, не представляющих в силу малозначительности общественной опасности, до тяжких и особо тяжких преступлений;

— легализация (отмывание) значительной части незаконных доходов с целью дальнейшего инвестирования в легальную экономику;

— направление части незаконных доходов на финансирование коррумпированного чиновничества в органах государственной власти¹⁵.

А. И. Татаркин предлагает рассматривать теневую экономику как систему устойчивых экономических отношений хозяйствующих субъектов и физических лиц по производству, распределению и потреблению доходов способами, в отношении которых обществом и государством предусмотрены определенные ограничения и запреты (правовые, моральные, нравственно-этические и др.), включающую:

— осуществление незарегистрированной деятельности, подлежащей обязательной регистрации;

— нелегальное производство продукции, товаров, работ и услуг;

— ведение хозяйственной деятельности с нарушением антимонопольного, рекламного, авторского и подобных видов законодательства;

— полное или частичное уклонение от уплаты налогов и сборов;

— контрабандный ввоз и вывоз товаров;

— превышение (или отказ от исполнения) полномочий госслужащих по регулированию экономической деятельности хозяйствующими субъектами¹⁶.

На начальном этапе реформирования российской экономики уровень теневого оборота в структуре реальных экономических отношений достигал от 30 до 50—70%¹⁷. В последнее время ее уровень несколько снизился, но сохраняется на достаточно высоком уровне 20—25% (при общемировых показателях 5—10%)¹⁸.

Наибольший размах теневая экономика приобретает в регионах с высоким уровнем концентрации промышленности и капитала. Так, по оценкам Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, ущерб, наносимый теневым сектором экономике Уральского федерального округа, составляет до 30% валового регионального продукта¹⁹. Беспрецедентно высоким остается уровень теневого оборота во внешнеэкономической деятельности. Об этом красноречиво свидетельствует официально





публикуемая информация о масштабах вывода капиталов за рубеж. Причем, подавляющее большинство этих капиталов выводится за рубеж по теневым схемам и с сокрытием от налогообложения. Основными причинами «теневизации» внешне-экономической деятельности являются несовершенное законодательство, отсутствие должного государственного валютного и экспортного контроля, высокая доходность внешнеторговых операций, позволяющих за счет различий в мировых и российских ценах безнаказанно вывозить капитал из страны.

К одному из самых распространенных видов теневой экономики, безусловно, относится рейдерство. Действия рейдеров всегда направлены на извлечение неконтролируемой государством прибыли, укрытие доходов от налогообложения путем реализации неправомерно захваченной собственности по теневым схемам. Колоссальные, неконтролируемые государством теневые доходы позволяют лоббировать интересы теневой экономики на самом высоком уровне, оказывая влияние на политику, правотворчество и правоприменение в государстве. Оценивая взаимное влияние теневой экономики, политики и права, отдельные авторы не без оснований указывают на три составляющие этого феномена: «теневая экономика», «теневая политика», «теневая юстиция»²⁰.

Этим во многом объясняется затягивание с криминализацией экономических правонарушений, кардинально изменивших криминогенную ситуацию в экономике страны. Исходя из доминирующей концепции позитивного права, преступность вообще и экономическая преступность в частности оцениваются как криминальные находящимися у власти людьми. Взаимопроникновение бизнеса, преступности и власти констатирует непосредственную связь между их интересами, законотворчеством и правоприменением. Американский криминолог Джозеф Шели, указывая на такую взаимосвязь, справедливо отмечает: «Следует четко представлять себе роль закона как инструмента власти. Контроль над правопорядком дает возможность использовать для защиты собственных интересов особые действующие силы»²¹. Такой же позиции придерживается Р. Куинни, подтверждая, что «законы, налагающие запрет на определенные формы поведения и обязывающие граждан поступать иначе, принимают законодатели, которые получили место при поддержке лоббирующих свои интересы групп. Возможность претворять

свои интересы в общественную политику является наиглавнейшим показателем обладания властью»²².

Таким образом, экономические интересы властных элит находят непосредственное отражение в законотворческой и правоприменительной деятельности. Этими интересами обуславливается криминализация или декриминализация деструктивного экономического поведения и применение наказаний, оказывающих, в конечном итоге, серьезное влияние на детерминацию экономической преступности.

Не менее значимым детерминирующим фактором криминогенности сложившихся экономических отношений является доминирование спекулятивного сектора в хозяйственной среде, воспроизводящего высокий уровень экономической преступности. Сформировавшаяся в последние десятилетия общая парадигма экономического развития генерирует и воспроизводит спекулятивное перераспределение капитала и ростовщическую экспансию. Вложение денежных средств без реального материального наполнения, когда деньги делают деньги, интенсивно вытесняет производственный сектор, где создаются основные экономические блага — товары и услуги.

Исследования в этой сфере подтверждают выводы о том, что хозяйственная система все более деградирует, превращаясь в виртуальную субстанцию. «Мировая финансовая система, — писал академик РАН Д. С. Львов, — превратилась по существу в глобальный спекулятивный конгломерат, функционирующий не в интересах развития национальных экономик, роста промышленного производства и уровня жизни людей, а в интересах укрепления позиций стран “золотого миллиарда”... Если ее не остановить, то, как предсказывают прогрессивные мыслители современности, она может разразиться в глобальный мировой кризис XXI века»²³. Следует отметить, что эти прогнозы сбываются. В середине 90-х годов XX века многие фондовые рынки Азии испытали серьезные спады и их национальные валюты катастрофически обесценились. В 2008 году системный экономический кризис разразился в США, а затем и в Европе, затронув большинство ведущих экономик мира, и продолжается до сих пор.

Модель экономики, строящейся на спекулятивной деструктивности и порочности, когда из всей массы денег, обращающихся в мире, только 10% обслуживают производство и торговлю, а остальные 90% «крутятся» в спекулятив-

ном секторе, представляет реальную криминологическую опасность для перспективы экономического, политического и социального развития²⁴.

Спекулятивный синдром в полной мере присущ российской экономике. Форсированное разгосударствление и перераспределение собственности не способствовало развитию и модернизации производства. Полученная за бесценок собственность использовалась, как правило, для «выкачивания» средств или перепродажи во много раз дороже. Последовавшие после приватизации масштабный передел собственности и рейдерство способствовали доминированию в экономике спекулятивных тенденций и возведению в абсолют принципа финансовых пирамид.

Рассматривая экономическую преступность как многофакторное и системное криминальное явление, можно определить общий механизм ее детерминации и самодетерминации в современных условиях, представляющих процесс диалектического взаимодействия причины и следствия.

В переходный период в российском обществе дезорганизация управленческих связей, уменьшение роли государства в качестве активного регулятора экономической деятельности породили экономические противоречия, создавшие условия для незаконного обогащения и изменившие природу и масштабы экономической преступности. Инfiltrация криминальной экономики в легальный экономический сектор, в свою очередь, оказывает влияние на систему экономических отношений. В результате происходит нивелирование понятия преступной экономической деятельности, оказывающей влияние на политическую и правовую природу общества, меняющей социальные ценности и ориентиры общественного развития.

Таким образом, экономическая преступность, в отличие от других видов общеуголовной преступности, может дестабилизировать действие рыночных механизмов и разбалансировать систему социального равновесия в обществе.

Примечания

1. Кудрявцев В. Н. Социальные причины организованной преступности в России // Организованная преступность и коррупция. — 2000. — № 1. — С. 16—17.
2. Лавров В. С. С законом на Вы // Эко. — 1997. — № 7. — С. 149.
3. Ларьков А., Кесарева Т. Экономическая преступность: характеристика и факторный анализ // Уголовное право. — 1998. — № 3. — С. 124—125.
4. Миненок М. Г., Миненок Д. М. Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы. — СПб., 2001. — С. 253.
5. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. — Т. 1. — М., 1975. — С. 232.
6. Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия. — Т. 1. — М., 1988. — С. 124.
7. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. — Псков, 2001. — С. 32.
8. Гаранова Е. П. Нормы канонического права как пример диверсификации нравственных начал в правовую материю // Государство и право. — 2005. — № 9. — С. 96.
9. Мартышин О. В. Нравственные основы теории государства и права // Государство и право. — 2005. — № 7. — С. 7.
10. Статистические данные о состоянии преступности ИЦ ГУ МВД по Челябинской области, 1997—2011 гг. // Архив ГУ МВД по Челябинской области.
11. Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии. — Т. 2. — М., 2011. — С. 447.
12. Свенссон Б. Экономическая преступность. — М., 1987. — С. 121.
13. Экономические преступления в США: понятия, виды, масштабы распространения : обзорная информация. Зарубежный опыт / ГИЦ МВД СССР. — № 11. — М., 1989.
14. Карасев В. И. Социальные параметры экономической преступности // Организованная преступность и коррупция. — 2000. — № 1. — С. 24.
15. Драпкин Л. Я., Злоченко Я. М. Теневая экономика в России: понятие, структура, основные направления противодействия // Организованная преступность и коррупция. — 2000. — № 2. — С. 34.
16. Татаркин А. И. Теоретико-методологические подходы к оценке теневой экономики региона // Теневая экономика: проблемы диагностики и нейтрализации. — Екатеринбург, 2004. — С. 7.
17. Глинкина С. П. Научные подходы к оценке масштабов теневой экономики и их влияние на национальную безопасность страны. — М., 2003. — С. 5.
18. Лунеев В. В. Указ. соч. — С. 440.





19. Татаркин А. И., Яковлев В. Ф. Теневая экономика региона: диагностика и меры нейтрализации. — Екатеринбург, 2004. — С. 5.
20. Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии. — Т. 1. — М., 2011. — С. 513; Скобленков П. А. Имущественные споры и криминал в современной России. — М., 2001.
21. Шели Дж. Ф. Криминология. — СПб., 2003. — С. 86.
22. Цит. по Там же; Куинни Р. The Social Reality of Crime. — Boston, 1970. — Р. 13.
23. Львов Д. С. Экономический манифест. Будущее российской экономики. — М.: Экономика, 2000. — С. 16—17.
24. Колесников В. В. Экономическое развитие и преступность // Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью. — СПб., 2005. — С. 326—329.

References

1. Kudryavtsev V. N. Sotsialnye prichiny organizovannoy prestupnosti v Rossii [Social reasons for organized crime in Russia]. Organizovannaya prestupnost i korruptsiya. [Organized crime and corruption]. 2000. No. 1. pp. 16—17.
2. Lavrov V. S. S zakonom na Vy [With respect to law]. Eco [Eco]. 1997. No. 7. p. 149.
3. Larkov A., Kesareeva T. Ekonomicheskaya prestupnost: kharakteristika i faktornyy analiz [Economic crime: characteristic and factor analysis]. Uголовное право [Criminal law]. 1998. No. 3. pp. 124—125.
4. Minenok M. G., Minenok D. M. Koryst. Kriminologicheskie i uголовно-pravovyye problemy [Lucre. Criminological and criminal-legal problems]. St. Petersburg. 2001. p. 253.
5. Hegel. Entsiklopediya filosofskikh nauk T. 1 [Encyclopedia of philosophical sciences. Vol. 1]. Moscow, 1975. p. 232.
6. Solovjev V. S. Opravdanie dobra. Nравstvennaya filosofiya [Justification of kindness. Moral philosophy]. 1988. Vol 1. p. 124.
7. Osnovy sotsialnoy kontseptsii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi [Basis of social concept of the Russian Orthodox Church]. Pskov. 2001. p. 32.
8. Garanova E. P. Normy kanonicheskogo prava kak primer diversifikatsii нравstvennykh nachal v pravovuyu materiyyu [Norms of canon law as an example of diversification of moral foundations to the legal matter]. Gosudarstvo i pravo [State and law]. 2005. No. 9. p. 96.
9. Martyshin O. V. Nравstvennye osnovy teorii gosudarstva i prava [Moral basis of state and law theory]. Gosudarstvo i pravo [State and law]. 2005. No. 7. p. 7.
10. Statisticheskie dannye o sostoyanii prestupnosti ITS GU MVD po Chelyabinskoy oblasti, 1997—2011 gg. [Statistic data of crime status of Information Center of the Main Administration of the Ministry of Internal Affairs in Chelyabinsk region, 1997-2011]. Arkhiv GU MVD po Chelyabinskoy oblasti [Archive of Information Center of the Main Administration of the Ministry of Internal Affairs in Chelyabinsk region].
11. Luneev V. V. Kurs mirovoy i rossiyskoy kriminologii T. 2 [Course of the world and Russian criminology. Vol. 2]. Moscow. 2011. p. 447.
12. Svensson B. Ekonomicheskaya prestupnost [Economic crime]. Moscow. 1987. p. 121.
13. Ekonomicheskie prestupleniya v SShA: ponyatiya, vidy, masshtaby rasprostraneniya: obzornaya informatsiya. Zarubezhnyy opyt. GITS MVD SSSR [Economic crimes in the USA: concepts, visions, extent of distribution: review information. Foreign experience. Main Information Center of the Ministry of Internal Affairs of the USSR]. Moscow. 1989. No. 11.
14. Karasev V. I. Sotsialnye parametry ekonomicheskoy prestupnosti [Social parameters of economic crime]. Organizovannaya prestupnost i korruptsiya [Organized crime and corruption]. 2000. No. 1. p. 24.
15. Drapkin L. Ya., Zlochenko Ya. M. Tenevaya ekonomika v Rossii: ponyatie, struktura, osnovnye napravleniya protivodeistviya [Shadow economy in Russia: concepts, structure, main directions of counteraction]. Organizovannaya prestupnost i korruptsiya [Organized crime and corruption]. 2000. No. 2. p. 34.
16. Tatarkin A. I. Teoretiko-metodologicheskie podkhody k otsenke tenevoy ekonomiki regiona [Theoretical-methodological approaches to the assessment of shadow economy of the region]. Tenevaya ekonomika: problemy diagnostiki i neutralizatsii [Shadow economy: problems of diagnostics and neutralization]. Ekaterinburg. 2004. p. 7.
17. Glinkina S. P. Nauchnye podkhody k otsenke masshtabov tenevoy ekonomiki i ikh vliyaniye na natsionalnuyu bezopasnost strany. [Scientific approaches to the assessment of shadow economy extent and their influence on the country's national safety]. Moscow. 2003. p. 5.
18. Luneev V. V. Op. cit. p. 440.
19. Tatarkin A. I., Yakovlev V. F. Tenevaya ekonomika regiona: diagnostika i mery neutralizatsii. [Shadow economy of region: diagnostics and neutralization measures]. Ekaterinburg. 2004. p. 5.
20. Luneev V. V. Kurs mirovoy i rossiyskoy kriminologii. [Course of the world and Russian criminology]. Moscow. 2011. Vol. 1. p. 513.; Skoblenkov P. A. Imushchestven-

nye spory i kriminal v sovremennoy Rossii. [Property disputes and crime in modern Russia]. Moscow. 2001.

21. Shelli J. F.. Kriminologiya. [Criminology]. St. Petersburg. 2003. p. 86.

22. Cited by . Shelli J. F.. Kriminologiya. [Criminology]. St. Petersburg. 2003. p. 86. R. Quinney. The Social Reality of Crime. Boston. 1970. p. 13.

23. Lvov D. S. Ekonomichesky manifest. Budushchee rossijskoy ekonomiki. [Economic proclamation. Future of Russian economy]. Moscow. Ekonomika. 2000. pp. 16—17.

24. Kolesnikov V. V. Ekonomicheskoe razvitie i prestupnost [Economical development and criminality]. Sovremennye problemy i strategiya borby s prestupnostju. [Modern problems and strategy of fight against criminality]. St. Petersburg. 2005. pp. 326—329.

БРАГИН Иван Анатольевич, директор, Уральская государственная юридическая академия, Челябинский филиал. 454071, г. Челябинск, ул. Культуры, 102. E-mail: chelyab@usla.ru

BRAGIN Ivan Anatoljevich, director of Chelyabinsk branch of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education “Ural State Law Academy”. 102 Kultury Street, Chelyabinsk, 454071. E-mail: chelyab@usla.ru

